

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>

EDN: <https://elibrary.ru/pxfjue>

УДК / UDC 316.74.2

Оригинальная статья / Original article

Поиск вектора развития института служителей культа мари́йской традиционной религии в 1950–1960-е гг. (по материалам Мари́йского научно-исследовательского института языка, литературы и истории)

Р. А. Саберов

*Национальный исследовательский технологический университет
«МИСИС», г. Москва, Российская Федерация*

✉ saberow@yandex.ru

Аннотация

Введение. Конец 1990-х – 2000-е гг. открывают для мари́йской традиционной религии и ее священнослужителей новую веху в развитии. В Республике Мари́й Эл до сих пор ежегодно проводятся моления в священных рощах, особое значение в поддержании этого процесса имеют служители культа – мари́йские карты. Анализ сегодняшней этнорелигиозной ситуации с позиций эволюции (традиция) или революции (New Age) требует изучения исторических нарративов. Количество работ, освещающих деятельность духовных лиц традиционной религии мари, в XX в. невелико, особенно в хронологическом отрезке нескольких десятилетий после окончания Великой Отечественной войны. Цель исследования – установить особенности развития института служителей культа мари́йской традиционной религии в 1950–1960-х гг.

Материалы и методы. Объектом исследования выступает обрядовая компонента этнорелигии мари, а предметом является ее институциональная комплексная единица – жречество, включающее наименование служителей культа, иерархию и функционал, специфику обрядового облачения. Исследование базируется на материалах научно-рукописного фонда научной библиотеки Мари́йского научно-исследовательского института языка, истории и литературы им. В. М. Васильева. В ходе работы автор опирался на принцип историзма, источниковедческий анализ документального материала, использовались общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение).

Результаты исследования и их обсуждение. В источниковом материале фиксируются нетипичные наименования жрецов, факты замены старых обычаев гражданскими праздниками и укрепления их в жизни деревни, отмечается вхождение в быт мари новых праздников и трансформация в них старых обрядовых действий. В то же время в указанный период все еще сохранялись старые религиозные обряды, однако процесс их проведения начал подвергаться трансформации, что выражалось в отсутствии обрядового облачения жрецов, сожжении ритуальных треб не служителями культа, а непосредственными участниками обряда, передаче сакральных функций женщинам. Несмотря на сохранность обрядовой практики в автохтонной религии мари в 1950–1960-е гг., все более ярко в этот период и последующие десятилетия начал проявляться кризис традиционной мари́йской религии, что находило выражение в том числе и в кризисном векторе развития института служителей культа.

Заключение. В работе уточнены сведения об особенностях развития института служителей культа традиционной религии мари; процессах, влиявших на изменение этнорелигиозной ситуации в Мари́йской АССР в 1950–1960-х гг.

© Саберов Р. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: XX в., Среднее Поволжье, Марийский научно-исследовательский институт, марийская традиционная религия, жречество

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Саберов Р.А. Поиск вектора развития института служителей культа марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. (по материалам Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории). *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):90–98. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>

Exploring the Developmental Trajectory of the Institution of Clergy in the Mari Traditional Religion in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Mari Research Institute of Language, Literature, and History)

R. A. Saberov

*National University of Science and Technology “MISIS”,
Moscow, Russian Federation*
✉ saberow@yandex.ru

Abstract

Introduction. The late 1990s and early 2000s marked a new phase in the development of the Mari traditional religion and its clergy. At present, sacred grove prayers are held annually in the Republic of Mari El, with Mari kartas (priests) playing a pivotal role in sustaining this tradition. Analyzing the current ethno-religious landscape from an evolutionary perspective (tradition) or a revolutionary one (New Age) necessitates an examination of historical narratives. Scholarly works addressing the activities of the clergy within the Mari traditional religion in the 20th century remain scarce, particularly concerning the several decades following the end of World War II. The aim of this study is to identify the distinctive features of the institutional development of the Mari traditional religious clergy in the 1950s–1960s.

Materials and Methods. The research object is the ritual component of Mari ethno-religion, while the subject is its institutional framework - the priesthood - encompassing the nomenclature of religious officiants, hierarchical structure, functional responsibilities, and the specific features of ceremonial attire. The study is based on materials from the scholarly manuscript collection of the Scientific Library of the V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, History, and Literature. In the course of the research, the author adhered to the principle of historicism and employed source analysis of documentary materials. The study also utilized general scientific methods, including analysis, synthesis, and comparison.

Results and Discussion. The source material documents atypical designations for priests, instances of replacing traditional customs with civil holidays and their subsequent entrenchment in village life, as well as the incorporation of new celebrations into Mari culture, accompanied by transformations of older ritual practices. At the same time, while traditional religious rites were still preserved during the studied period, their execution began to undergo significant modifications. These included the absence of ceremonial vestments among priests, the performance of ritual sacrifices not by clergy but by lay participants, and the delegation of sacred functions to women. Despite the continued presence of ritual practices within the autochthonous Mari religion in the 1950s–1960s, a pronounced crisis within the traditional religious system emerged during this period and intensified in subsequent decades. This crisis manifested in the weakening of the institutional foundations of the clergy, including the degradation of mechanisms ensuring the transmission of sacred knowledge and the partial alteration of prayer rituals.

Conclusion. The work clarified the data on the peculiarities of the development of the institute of ministers of cult of the traditional Mari religion; the processes that influenced the change of the ethno-religious situation in the Mari ASSR in 1950–1960s.

Keywords: XX century, Middle Volga region, Mari Research Institute, Mari traditional religion, priesthood

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Saberov R.A. Exploring the Developmental Trajectory of the Institution of Clergy in the Mari Traditional Religion in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Mari Research Institute of Language, Literature, and History). *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):90–98. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>

Введение

Изучение процессов развития института жречества в этнорелигии мари 1950–1960 х гг. расширяет общие исторические представления о религиозности советского общества, сохранении религиозных пережитков и автохтонных верований в послевоенные десятилетия XX в. на территории Среднего Поволжья.

В статье на основе материалов научно-рукописного фонда научной библиотеки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (МарНИИЯЛИ) рассматриваются вопросы сохранения и трансформации обрядовой практики автохтонной религии мари, жречества. Актуальность работы обусловлена важностью проведения этнографических и религиоведческих исследований обрядовых практик молений-жертвоприношений мари, определения статуса и тенденций развития институциональных форм марийской традиционной религии в условиях ее кризиса, что позволяет лучше понять современные процессы, протекающие в этнокультурной среде мари.

Период 1960–1980-х гг. характеризуется этнографом Н. С. Поповым как этап угасания марийской традиционной религии, сокращения массовости молений и в целом практики проведения обрядов в священных рощах [1]. Анализ документов научно-рукописного фонда научной библиотеки МарНИИЯЛИ с 1956 по 1980 г. показал наибольшую информативность для проводимого исследования материалов экспедиций, хронологически охватывающих период с 1956 по 1967 г., содержащих фактологическую информацию о развитии жречества мари в условиях начала общего кризиса религиозной системы (конечно, с учетом специфики анализируемых сведений). Их изучение в контексте рассматриваемой проблематики дополнит сведения по истории развития традиционных верований мари и даст стимул к проведению аналогичных исследований в других регионах страны.

Территориальные рамки исследования охватывают значительную географию компактного проживания мари, исторически активно сохраняющих автохтонную религиозность (Моркинский, Новоторьяльский, Куженерский, Сернурский, Казанский, Косолаповский, Мари-Турекский, Волжский, Параньгинский районы Марийской АССР, Советский и Уржумский районы Кировской области), в пределах которой в рассматриваемый период и проводились полевые экспедиции Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (МарНИИ).

Работа выполнялась на базе Мининского университета в рамках подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 5.6.4 – этнология, антропология и этнография (исторические науки), посвященной теме определения особенностей развития института жречества этнорелигии мари Среднего Поволжья в XVIII – начале XXI в.

Целью исследования является определение вектора развития института жречества марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. сквозь призму полевых материалов экспедиций, позиций исследователей МарНИИ, заполнение источниковых лакун в исследовании данной проблематики советского периода.

Обзор литературы

При определении хронологических границ исследования автор опирался на подходы, предложенные Л. Г. Сахаровой и Н. С. Поповым. По мнению Л. Г. Сахаровой, период развития религиозного сознания мари Вятского региона (1930 – сер. 1980-х гг.) характеризуется скрытым сохранением традиционной марийской религии в условиях светского атеистически ориентированного государства [2]. В свою очередь исследователь Н. С. Попов выделяет период 1960–1980-х гг., в котором, по его мнению, марийская этнорелигия начала угасать [1].

Несмотря на то, что искомый хронологический отрезок крайне мал с точки зрения всего исторического контекста развития традиционной религии мари, к данному наследию в той или иной степени обращался ряд исследователей, к числу которых относятся А. Ф. Ярыгин, Н. С. Попов, Т. И. Алыбина.

В своих работах А. Ф. Ярыгин и Н. С. Попов [1] указывают на кризис традиционной марийской религии, который, с точки зрения А. Ф. Ярыгина, все более ярко стал проявляться в 1970-е гг.¹ Рассматривая в своей диссертации развитие этнорелигии мари в 1960-е гг., Т. И. Алыбина сосредотачивает внимание на роли служителей культа в деле сохранения традиции, подкрепляя работу авторскими полевыми материалами². В качестве общей можно выделить позицию авторов о сохранении, хотя и скрытной, практики проведения молений в священных рощах, особенно в сельской местности, отдаленной от районных центров и городов.

В целом, в последние несколько лет наблюдается активизация интереса к исследованию марийской традиционной религии у этнографов, лингвистов, социологов и других специалистов [3; 4].

Материалы и методы

Исследование базируется на материалах научно-рукописного фонда научной библиотеки МарНИИЯЛИ. Были изучены отчеты о проводимых МарНИИ этнографических экспедициях, записи рабочих тетрадей их участников (НРФ МарНИИЯЛИ: Оп. 5. Д. 19; МЭЭ-1956. № 1; МЭЭ-1960. № 5; МЭЭ-1961. № 9 и № 10; МЭЭ-1962. № 20; МЭЭ-1967. № 28 и № 30). В них содержатся сведения, позволяющие установить тенденции в развитии жречества традиционной религии мари, определить трансформационные процессы в обрядовой практике.

Стоит подчеркнуть, что к текущему и последующему анализу рассматриваемых источников стоит подходить критически, что обуславливается природой их происхождения (возможна интерпретация фактов в искаженном виде или непредоставление сведений информантами в силу прошествия времени и табуированности религиозных тем в советский период, а по причине последнего обстоятельства – и определенная избирательность при ведении полевых записей исследователями).

В ходе исследования автор опирался на принцип историзма, источниковедческий анализ документального материала, использовались общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение). Их применение позволило определить особенности развития деятельности служителей культа традиционной религии мари в изучаемый период.

Результаты исследования и их обсуждение

Устоявшаяся и наиболее распространенная в дореволюционный период дефиниция, обозначающая священнослужителя автохтонного культа мари, – это «карт». Однако в период глобальных мировых и отечественных перемен, происходящих в 20-х гг. XX в., группа марийцев предприняла попытку официального закрепления статуса служителя культа этнорелигии, включающего в себя и наименование «должности» священнослужителя.

Так, в г. Бирск Уфимской губернии в период с 15 по 25 июля (с 28 июля по 7 августа по новому стилю) 1917 г. состоялись заседания Первого Всероссийского Съезда Мари, где в числе прочего обсуждалась также и судьба развития традиционной религии³.

Несмотря на то, что главной целью Съезда в области развития традиционной религии было сохранение ее самобытности, в тексте источников прослеживаются попытки обновления и трансформации автохтонных верований мари. Эта тенденция нашла свое выражение в попытке унификации обозначения служителей культа – *онаен*. Сам факт принятия термина говорил о том, что для народности мари представители их автохтонных верований играли значительную роль.

В 20–30-е гг. прошлого столетия исследования религии мари проводились активно. Так, этнограф Н. М. Маторин отмечал, что у жрецов-картов «выделяются “сновидцы”, “омымужшы”, которым во сне бывает “откровение”, какому богу и где и какую принести

¹ Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976. С. 64.

² Алыбина Т. И. Трансформация марийской религиозной традиции в постсоветский период : дис. ... д-ра филос. наук. Тарту, 2017. С. 56–61.

³ Протокол заседания 23 июля 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии. Заседание 7-е. // Первый Всероссийский Съезд Мари : протоколы и материалы. Йошкар-Ола, 2006. С. 33–39.

жертву»⁴. По мнению ученого, этимология слова «карт» является заимствованной из татарского языка, где этим словом обозначают старика. Еще один пример подобного заимствования – название представителя жречества «мулла». Очевидно, это слово пришло из ислама. Кроме того, именно Н. М. Маторин вводит в научный оборот новый термин «онаен», служащий обозначением священнослужителя традиционной марийской религии⁵.

Фиксация и анализ типичных и нетипичных жреческих наименований продолжились в 1950-е гг. В рукописи работы «Происхождение и сущность языческих культов» (1960 г.), хранящейся в НРФ МарНИИЯЛИ, ученый-философ, член Общества по распространению политических и научных знаний А. В. Краснов, рассматривая подготовку и проведение крупных молений в Моркинском (1954 г.), Ново-Торьяльском, Куженерском и других районах Марийской АССР, акцентирует внимание на служителях культа мари. Исследователь фиксирует различные наименования жрецов – «онаен», «юмын тан», «он», раскрывает специфику их происхождения (он ‘вождь’; *карт* ‘старый’ (служители культа обычно были людьми почтенного возраста))⁶.

Современные лингвистические исследования показывают широкий спектр номинаций, характерных для обозначения служителя культа в традиционной религии мари, большая часть из которых четко прослеживается в историческом и современном полевом материале. Проводя анализ текстов многотомного «Словаря марийского языка»⁷, в том числе рукописного дополнительного тома, и современного орфографического словаря «Марий орфографий мутер»⁸, С. С. Сибатровой удалось выявить множество номинаций, обозначающих людей, занимающихся организацией и проведением жертвоприношения [5].

В экспедиционных отчетах, дневниковых записях 60-х гг. XX в. удалось выявить ценные документы, сведения которых позволяют дополнить ряд наименований служителей культа, специфику их обрядового облачения применительно к рассматриваемому исследовательскому периоду.

В ходе сбора материала в Уржумском районе Кировской области членами экспедиции МарНИИ от информантов были получены сведения об осеннем жертвоприношении. Интерес представляют следующие данные.

Респондент Петиганов Алексей Ильич, дер. Мамашево, 67 лет: «При молении в *күсото* (священной роще – *Авт.*) бывает марийский поп – *карт*. Он надевает шерстяной белый *шовыр* [поддевку из холста]. <...> *Шовыр* вокруг всех краев обведен черной тесьмой»⁹.

Записано от Чулкова В. Н. (возраст, год рождения, место постоянного жительства не указаны): «Специальный *чоклышо* заговаривающий. Он заговаривал и в роще, и при приеме пищи»¹⁰. Приведенное наименование служителя культа встретилось нам впервые и не было выявлено в источниках XVIII–XIX вв. Согласно словарю марийского языка, «*чоклышо*, на горном наречии *цöклышй*, является причастием от *чоклаш* – молиться, в значении существительного означает “молельщик, жрец”»¹¹.

Информант Семенова Т. К. (информация о дате рождения, этнической принадлежности респондента в отчете отсутствует): «*Картов* бывало столько, сколько огней (костров – *Авт.*). Каждому богу – отдельный огонь (ритуальный костер – *Авт.*) и отдельный *карт*. <...> При молении *карт* надевал белый *шовыр*. Но этот *шовыр* был кругом обведен [черной, красной] каймой»¹².

⁴ Маторин Н. М. Религия у народов волжско-камского края прежде и теперь: Язычество – Ислам – Православие – Сектанство. М., 1929. С. 59.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 5. Д. 19. Л. 17.

⁷ Словарь марийского языка : в 10 т. Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1990–2005.

⁸ Марий орфографий мутер / Ыылмым, литературым да историйым научнын шымлыше В. М. Васильев лумеш марий институт. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.

⁹ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1961. № 9 (Записи А. Ф. Степанова. Тетрадь № 1). Л. 29–31.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Словарь марийского языка = Марий мутер. Т. 8: У, У, Ф, Х, Ц, Ч. Йошкар-Ола, 2003. С. 378.

¹² НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1961. № 9 (Записи А. Ф. Степанова. Тетрадь № 1). Л. 31.

В дер. Большая Пижанка Советского района Кировской области члену этнографической экспедиции МарНИИ Аркадию Федоровичу Степанову (краевед, этнограф, в рассматриваемый период – студент МГПИ им. Н. К. Крупской) также удалось зафиксировать несколько вариантов наименований руководителей молений: «Названия *карт* нет, зовут *кугурак* (старший)»; «У каждого костра был свой старший (*кугурак*). Его называли *юмын тан* (друг бога)»; «Во время моления бывает один старший (старик). Но его *картом* не зовут. Он просит бога. Говорит, говорит, как может голову (вероятно, информант указывает на импровизационный характер молитвы – *Авт.*). Другие сидят без звука, только, повторяя старика, наклоняют голову»¹³.

С учетом территории фиксации рассмотренных выше обозначений жрецов (*чоклышо*, *кугурак*, *юмын тан*) предположим, что они являются вариантами локального происхождения, в большей степени относящимися к этнографической группе горных мари. Примечательно, что дальнейший анализ работ исследователей 70–80-х гг. XX столетия не позволил выявить сведений, существенно расширяющих палитру и специфику наименований служителей культа этнорелигии мари¹⁴.

В послевоенное время (1950–1960 гг.) практика совершения крупных молений постепенно шла на спад. Однако марийские языческие богослужения этого периода все еще фиксировались участниками этнографических экспедиций, проводимых МарНИИ в различных районах Кировской области и Марийской АССР.

В записях экспедиции 1956 г. (Новотурьяльский, Сернурский, Казанский, Косолаповский и Мари-Турекский районы Марийской Автономной Советской Социалистической Республики) находим: «Языческие моления с жертвоприношениями сохранились и в настоящее время. Теперь они стали нерегулярными, но совершаются во всех районах. В жертвы приносят гусей, уток, овец»¹⁵.

1960 г. (Уржумский район Кировской области, Сернурский, Волжский, Параньгинский районы Марийской АССР): «...до настоящего времени периодически совершаются в священных рощах кровавые жертвоприношения. В жертвы языческим богам приносятся гуси, утки и овцы. <...> В 1959 г. в Сернурском районе около деревни Антоново в *кюсото* (языческое мольбище марийцев – *прим. К. И. Козловой*) Күрбел состоялось моление, на которое собрались жители из 20 деревень. <...> В 1957 г. в Сернурском районе во время моления около деревни Куприяново после жертвоприношения остались «неиспользованными» два воза обещанных в жертву гусей и уток; приносили их в жертву на второй день»; «Такие же коллективные жертвоприношения совершаются в Уржумском районе. Например, в 1958 г. около деревни Иродосола было совершено моление, в котором участвовали жители семи деревень»¹⁶.

Автор отчета Клавдия Ивановна Козлова (этнограф, в рассматриваемый период – доцент кафедры этнографии исторического факультета МГУ, руководитель Поволжской экспедиции) констатирует: «Все эти языческие обряды представляют в настоящее время исчезающее явление. Нет такой строгости в их соблюдении, допускаются различные отклонения от обычаев. До революции женщины, например, не имели права принимать участие в жертвоприношениях, теперь они стали главными действующими лицами, а часто и инициаторами молений»¹⁷. Последнее замечание исследователя крайне важно для нас, так как прямо указывает на трансформацию марийского жречества.

¹³ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1961. № 10 (Записи А. Ф. Степанова. Тетрадь № 2). Л. 44, 46.

¹⁴ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1986; Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976.

¹⁵ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1956. № 1 (Козлова К. И. Отчет. Этнографические работы в Марийской АССР в 1956 году). Л. 16.

¹⁶ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1960. № 5 (Козлова К. И. Отчет. Полевые этнографические работы 1960 г. по изучению марийского населения). Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 20.

Экспедиции 1967 г. осуществляла сбор полевого материала в Советском (дер. Б. Ашламаш, Петрушкино, Чевернур, Корак-сола, Куженер) и Моркинском районах (с. Шор-Уньжа, дер. Шлань, Ямбатор, Семи-Сола, Нурумбал, Большой Шорьял, Кучко-памаш, Алдышка) МАССР. Руководитель исследований Геннадий Андреевич Сепеев (этнограф, в рассматриваемый период – младший научный сотрудник сектора истории МарНИИ) указывает на замену старых обычаев гражданскими праздниками и укрепление их в жизни деревни, отмечает вхождение в быт мари новых праздников и трансформацию в них старых обрядовых действий. Вместе с тем новые праздники распространены пока не повсеместно и все еще сохраняются старые религиозные обряды¹⁸. В прилагающихся к отчету дневниковых записях членов экспедиции удалось обнаружить описание летнего праздника *Ага-найрем*, состоявшегося 12 июня 1967 г. в священной роще¹⁹.

Количество участников священного действа было небольшим: 15–17 женщин, дети (их точное число не уточняется), двое мужчин, исполнявших обязанности служителей культа. Последним исследователи дают крайне краткую характеристику: «Один из них *карт* – старик невысокого роста с маленькой бородкой; второй моложе, он тоже читал молитвы, но меньше, чем первый, оба одеты по-городскому»²⁰. Привлекает внимание отсутствие обрядового облачения жрецов. Возможно, такое решение было обусловлено необходимостью не привлекать внимание к проводимому молению и непосредственно к служителям культа по пути следования к священному месту.

Описание совершаемых обрядовых действий позволяет установить порядок проведения моления: «Праздник начался в 12 ч. 20 мин., окончился к 2 часам. К кушаньям, установленным под березой, подошли все присутствующие и стали ставить свечки. Каждая *имушиш* (раскрытие значения данного слова в записях не дается, подходящего по смыслу термина в словарях марийского языка нам найти не удалось – *Авт.*) поставили по восковой свечке, укрепив ее к посуде с напитком *пура*, зажигают. Затем карт начал читать молитву, встав лицом к кушаньям и к березе. Рядом с ним стоял второй мужчина. Женщины встали позади них на колени. Прочитав молитву, карт снимает шляпу и кланяется, остальные следуют его примеру (кланяются, ладонями касаясь земли). И таким образом несколько раз. После молитвы карт подает руку мужчине, а затем оба оборачиваются к женщинам и каждой подают руку. Потом они разливают пиво: кто в кружку, кто в деревянную чашку *алдыр* и ставят рядом с посудой (*бидон* или *бурак*). После этого карт каждой читает небольшую молитву. Потом каждая несет ковшик с пивом и еду к костру и бросает еду в огонь и льет пиво, при этом что-то говорят негромко. Затем все садятся к березе и начинают угощаться. <...> После угощения опять молятся, встают на колени и карт читает молитву. После этого карт кладет в костер охапку веток березы. Все это сгорает. И все, отдохнув, отправляются домой. По выходе из рощи снова становятся на колени и молятся, прося у бога теплого дождя, защиты от ветра, от огня, прося благополучия семье, приплода скота и т. д.»²¹.

В целом ход моления отвечает предшествующей исторической традиции, однако имеются и некоторые особенности проведения ритуальных действий, например сожжение бескровных жертвоприношений каждым из участников обряда. В источниках дореволюционного происхождения описание подобной практики не обнаружено. При проведении молений в XXI в., ход которых нам удалось наблюдать, части *треб* всегда сжигал служитель культа или его помощник. Объяснение подобных случаев может крыться в малочисленности участников сакрального действа или специфике локального происхождения.

¹⁸ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1967. № 28 (Сепеев Г. А. Отчет об этнографической экспедиции МАРНИИ 1967 года). Л. 20, 22, 25–27.

¹⁹ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1967. № 30 (Записи Л. В. Григорьевой и Э. Г. Чавайн. Тетрадь № 2). Л. 31–35.

²⁰ Там же. Л. 33.

²¹ Там же. Л. 33–35.

Несмотря на многочисленные сведения, подтверждающие сохранность автохтонных верований мари, полученные из материалов экспедиций МарНИИ, исследователь А. Ф. Ярыгин считает, что уже к середине 70-х гг. XX в. все ярче начал проявляться кризис традиционной марийской религии. Этот процесс, в частности, выразился в исчезновении картов в силу отсутствия преемственности между священнослужителями и их «учениками» – помощниками²².

Повышение уровня образования и атеистическая пропаганда оказывали значительное влияние на развитие общественных и религиозных процессов в деревенском социуме. Это не могло не отразиться на состоянии жреческого института, к тому же градус критики по отношению к их деятельности не снижался.

В работе «Происхождение и сущность языческих культов» Анатолий Васильевич Краснов (ученый-философ, в рассматриваемый период – член Общества по распространению политических и научных знаний) дает руководителям молений крайне негативную характеристику. Мотивы действий жрецов при подготовке к молениям автор считает исключительно корыстными: «Характерно, что бог всегда указывал карту на скотину, принадлежавшую беднякам: то жеребенка безлошадного крестьянина, купленного за последние гроши в надежде заменить лошадь и выбиться из нищеты и кабалы, то телку бедной вдовы, не имеющей коровы. И это не случайно. Карты понимали, что безлошадного крестьянина легче эксплуатировать, можно засеять половину его земли, бедную вдову за крынку жидкого молока можно заставить весь день работать на богача карта»²³. В качестве дополнительного подтверждения своей позиции автор приводит мнение председателя колхоза товарища Алметьева об организации моления в роще у дер. Нур-Сола Куженерского района: «Из 13 организаторов и ярых сторонников молений в рощах нет ни одного честного труженика, все они почти не работают в колхозе. Предпочитают ездить куда-то на заработки за длинным рублем, любят выпить и сытно покушать за счет своих односельчан. Вот почему им и нужны моления с жертвоприношениями»²⁴.

Однако подобного рода патетика, характерная для работ советского периода 30-х, 50–60-х гг., связанная с особенностями проведения государственной политики в сфере конфессиональных отношений, не всегда позволяет раскрыть истинное положение дел.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить, что в послевоенный советский период в развитии жреческого института мари наметилось несколько критических тенденций, проявившихся в прерывании процесса передачи сакральных знаний старшими служителями культа младшим жрецам, а также в отходе от традиционного гендерного подхода в выборе руководителей молений (замена руководителей молений мужчин на женщин). Это в значительной степени обусловлено как сокращением численности священнослужителей (в 1930-х гг., в период Великой Отечественной войны), так и постепенным значительным сокращением практики проведения молений.

В силу проводимой государственной политики, изменений, происходящих в структуре советского общества, проникновения цивилизации в жизнь сельской местности в 1950–1960-е гг. и последующие десятилетия наблюдается кризисный этап в развитии жреческого института, складывание тенденции к его постепенному разрушению. Несмотря на многочисленные сведения, подтверждающие сохранность обрядовой практики автохтонной религии мари, все более явно в этот период начал проявляться кризис традиционной марийской религии, что выражалось и в сокращении числа служителей культа – *картов*, передаче сакральных функций по отправлению культа от мужчин к женщинам, деградации механизмов преемственности в процессе передачи сакрального знания.

²² Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. С. 64.

²³ НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 5. Д. 19. Л. 19–20.

²⁴ Там же. Л. 22.

Таким образом, в проведенном исследовании на основании полевых материалов, представленных в фондах МарНИИЯЛИ, часть из которых впервые вводится в научный оборот, уточнены сведения об особенностях развития института священнослужителей марийской традиционной религии; определены процессы, влиявшие на изменение этно-религиозной ситуации на территории Марийской АССР в 1950–1960-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Попов Н.С. К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии. *Финно-угроведение*. 2020;(61):148–157. EDN: **RCOWJV**
Popov N.S. To the Question of Formation and Development of Mari Traditional Religion. *Finn-Ugrovedenie*. 2020;(61):148–157. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **RCOWJV**
2. Сахарова Л.Г. Религиозная жизнь вятских марийцев в 20-е – начале 30-х годов XX века. *Финно-угроведение*. 2013;(1):70–74. EDN: **ZRKEXP**
Sakharova L.G. Religious Life of Vyatka Maris in the 1920s and Early 30s of the XX Century. *Finn-Ugrovedenie*. 2013;(1):70–74. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **ZRKEXP**
3. Абукаева Л.А. Современный дискурс марийской традиционной религии как объект лингвистического анализа. *Вестник Марийского государственного университета*. 2022;16(2):231–237. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-231-237>
Abukayeva L.A. Modern Discourse of the Mari Traditional Religion as an Object of Linguistic Analysis. *Vestnik of the Mari State University*. 2022;16(2):231–237. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-231-237>
4. Садиков Р.Р., Иликаев А.С. К проблеме дефиниции религиозных систем финно-угорских народов Поволжья. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(3):408–418. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8202> (дата обращения: 05.08.2024).
Sadikov R.R., Ilikaev A.S. On Issue of Defining Religious Systems of Finno-Ugric Peoples of Volga Region. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(3):408–418. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8202> (accessed 05.08.2024).
5. Сибатрова С.С. О религиозной лексике марийского языка (по материалам современных марийских словарей). *Финно-угроведение*. 2018;(59):95–102. EDN: **LITUKE**
Sibatrova S.S. On the Religious Vocabulary of the Mari Language (Based on the Materials of Contemporary Mari Dictionaries). *Finn-Ugrovedenie*. 2018;(59):95–102. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **LITUKE**

Информация об авторе:

Саберов Рушан Анвярович, старший преподаватель кафедры социальных наук и технологий, заместитель директора центра подготовки кадров высшей квалификации Национального исследовательского технологического университета «МИСИС» (119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 4, с. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1502-3718>, SPIN-код: **3600-9212**, saberow@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.10.2024; одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

Information about the author:

Rushan A. Saberov, Senior Lecturer, Departments of Social Sciences and Technologies, Deputy Director of PhD Office, National University of Science and Technology “MISIS” (4 Leninsky Prospekt, Moscow 119049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1502-3718>, SPIN-код: **3600-9212**, saberow@yandex.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.10.2024; revised 27.11.2024; accepted 02.12.2024.